

УДК 821.161.1

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МИФА ОБ ОРФЕЕ И ЭВРИДИКЕ
В ТВОРЧЕСТВЕ В.Я. БРЮСОВА**

© 2015 г.

Е.В. Болнова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

eka332@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.06.2014

Рассматривается интерпретация классического мифа об Орфее и Эвридике в творчестве В.Я. Брюсова. Определяется художественная функция тех нововведений, которые Брюсов внес в трактовку исходного античного сюжета. Показана связь брюсовской интерпретации мифа об Орфее и Эвридике с эстетикой русского символизма.

Ключевые слова: интерпретация, миф об Орфее и Эвридике, античность, Серебряный век.

В творчестве В.Я. Брюсова важную роль играют античные мотивы и образы, проявляющие себя на самых разных уровнях созданных им текстов. «Для меня Рим ближе всего» [3, с. 122], – говорил он Волошину. И даже в заключительной речи на своем полувековом юбилее, отмечавшемся в 1923 году, Брюсов признавался в любви к Риму. Античность придавала его творчеству вселенский характер, особую значительность и подталкивала читателя к поразительным аналогиям и параллелям.

Справедливо выделение М. Гаспаровым [1, т. 7, с. 548] двух периодов в творчестве Брюсова (ранние стихи и поздняя проза: 1890-е и 1910-е годы), когда античность играла особенно заметную роль, отразив серьезные сдвиги в истории страны и духовной биографии писателя. В общих чертах концепция Гаспарова представляется верной, хотя и несколько схематичной и прямолинейной. Хотелось бы подчеркнуть постоянный интерес Брюсова к античности, который, безусловно, не был спорадическим или факультативным.

Образ Орфея многократно возникает в творчестве Брюсова. Однако мифам, связанным с данным античным персонажем, полностью посвящено два произведения, созданных в течение года: с декабря 1903-го по ноябрь 1904-го. Это стихотворения «Орфей», «Орфей и Эвридика». В них представлены основные сюжетные мотивы мифа. Правда, разрабатывает эту тему Брюсов как бы в обратном порядке. Сначала он обращается к моменту гибели героя (стихотворение «Орфей») и уже затем использует известный миф об Орфее и Эвридике. Разрабатывая его, поэт обращается к кульминационному моменту: фракийский певец ведет возлюбленную из царства мертвых, но оборачивается, и Эвридика исчезает.

Теперь обратимся к более подробному сопоставительному анализу стихотворений. Наиболее ранним, как говорилось выше, является стихотворение «Орфей». Оно датировано декабрем 1903 года. В стихотворении рассматривается момент гибели героя от рук разъяренных вакханок:

И пал певец с улыбкой ясной.

До берега волны докатив,

Как драгоценность, труп безгласный

Принял на грудь свою прилив [1, т. 1, с. 256].

За кадром остается история смерти Эвридики и спуска певца в Аид за своей женой. Финал стихотворения созвучен античному мифу.* Он лишен трагизма. Перед нами торжество искусства и надежда на соединение душ после смерти:

Но, не покинув лиры вещей,

Поэт, вручая свой обол,

Как прежде в Арго, в челн зловещий,

Дыша надеждой, перешел [1, т. 1, с. 256].

Брюсов, стремясь к дополнительной архаизации текста, использует стандартные средства воспроизведения античных тем в русской литературе, характерные, в частности, для антологической лирики. Так, он обращается к составным эпитетам: «сребропенных риз», «сладо-страстном бреде», «пышнокудрые наяды». Примечательно, что на протяжении всего стихотворения Брюсов использует постоянные эпитеты, ставшие таковыми еще в начале 19 века: «живые струны», «улыбкой ясной», «лиры вещей».

М.Л. Гаспаров в своей статье «Брюсов и античность» отмечает следующее: «Так как все сменяющие друг друга цивилизации равноправны и самоценны, то каждая из них интересна не тем, что в ней общего с другими, а тем, что в ней отличного от других. А это значит, что, рисуя иную эпоху, Брюсов всеми силами

подчеркивает ее экзотичность, ее отдаленность от нашей. Именно поэтому он насыщает и перенасыщает свои римские романы археологическими реалиями и лексическими латинизмами; именно поэтому он стремится в своих переводах из римских поэтов к такому режущему слух буквализму...» [1, т. 7, с. 552]. Это высказывание в полной мере можно отнести и к стихотворению «Орфей». Брюсов очень активно использует историзмы (вакханки, ризы, менады, тирсы, лира, наяды, обол, челн), архаизм (чресла), традиционные для произведений античной тематики, и устаревшие церковнославянские неполногласные формы слов: ветер, брег. Кроме того, стихотворение наполнено мифологическими именами собственными: Орфей, Эвридика, Дионис, Арг, Орковы врата. Поэт сознательно стремится к тому, чтобы, с одной стороны, каждый читатель проникся ощущением античной эпохи, а с другой, столь явное использование традиций стихосложения 19 века подразумевает двойную архаизацию текста: античность накладывается на литературную традицию досимволистской эпохи. Стихотворение Брюсова разрабатывает антологические мотивы сходным с золотым веком русской поэзии образом.

Интересно проанализировать причины, по которым вакханки убивают Орфея. В стихотворении Брюсова они поклоняются одному богу: Дионису. Орфей является олицетворением покоя. Менады же – это само буйство жизни, хаос. При этом Орфей понимает, но не разделяет ту страсть, которая владеет и движет ими. Если использовать терминологию, введенную впервые Фридрихом Шеллингом, но получившую популярность благодаря труду Фридриха Ницше «Рождение трагедии из духа музыки», то можно сказать, что в стихотворении Брюсова Орфей является носителем аполлонического начала, предполагающего чувство меры, самоограничение, свободу от диких порывов, мудрый покой творца. В противовес этому менады – носительницы дионисийского начала, которое заключает в себе первобытный хаос и ужас, вакхический восторг, трепет опьянения и экстаза. Показательна сама лексика, которая связана с менадами: «юны», «живые», «буйство жизни» и т. д. Они поэтизируют миг, в то время как Орфей познал тайны вечности. Именно поэтому он пребывает «молча одичалый // При вольном вое...» их игр. И хотя у них общий бог, но вакханки отвергают покой ради наслаждений («Все жизни – в сладострастном бреде, // Вся вечность – в таинстве вина»). Орфей поет им о смерти, о загробном царстве, поэтому они убивают его, отвергая саму мысль о конечности земной жизни. Помимо того что образ Орфея у Брюсова

ассоциируется с покоем, он неразрывно связан с верой и надеждой («исполнен веры», «дыша надеждой»). В этом автор отступает от традиционной трактовки событий в мифе, согласно которой Орфей пребывает в унынии и отчаянье после неудавшейся попытки вернуть Эвридику. Даже в смерти Орфей сохраняет покой и красоту: «И пал певец с улыбкой ясной».

Показательно то, что даже перед угрозой смерти Орфей остается верен себе, творчеству. Он не сомневается в силе своей песни, в ее способности подчинять себе людей и силы природы. Возможно, Орфей у Брюсова сам искал смерти, ведь теперь он мог соединиться с возлюбленной. Вакханки сравниваются автором стихотворения с пантерами («Они стремятся, как пантеры»), «но и пантер смирял напев». Почему же Орфею оказалось не по силам укротить ярость «безумных дев»? Скорее всего, он не стремится к этому. Его поэзия после смерти Эвридики и спуска в Аид – поэзия мертвых, поэзия вечности. Она уже не оказывает прежнего воздействия на тех, кому доступен лишь «прекрасный миг» и «сладострастный бред» жизни.

Обратимся к стихотворению «Орфей и Эвридика», датированному 1903 – июнем 1904 года. Первое, что обращает на себя внимание, – это диалогическое построение произведения. Орфей ведет жену из царства мертвых, пытается при этом вызвать в ней отклик на свою любовь. Соответственно перед читателями разворачивается диалог героев, и лишь последние четыре строки – авторский комментарий последствий того, что Орфей оглянулся, нарушив запрет:

– И смотрит дико,

Вспять, во мрак пустой, Орфей.

– Эвридика! Эвридика! –

Стонут отзвуки теней [1, т. 1, с. 320].

В отличие от предыдущего стихотворения, здесь лексика абсолютно символистская. Стоит хотя бы обратить внимание на характерные для символизма образы смерти (мертвенной тропой, черной смерти пелена, сердце – мертво, грудь – недвижна, могила), мрака, тени, тьмы. С образом Эвридики связаны черный цвет («Но на взорах – облак черный, // Черной смерти пелена») и мотив сна («Помню сны, – но непостижна, // Друг мой бедный, речь твоя», «Помню счастье, друг мой бедный, // И любовь, как тихий сон...»). При этом сон связан не со смертью, а с земной жизнью героини. Эпитеты, которые использует Брюсов, также соответствуют общему настроению произведения: «бледный лик», «мертвенной тропой», «мрак пустой», «тьме бесследной».

Кроме того, символистской является и главная мысль стихотворения: бессмысленность существования Эвридики в мире живых после

того, как она познала тайны загробного царства. Л. Бугаева в статье «Мифопоэтика сюжета об Орфее и Эвридике в культуре первой половины XX века» пишет, что здесь «в хорошо известную событийную канву легенды [Брюсов] вплетает два существенных для бытования легенды в XX в. мотива – мистического знания и эротической любви. В поэтическом мире Брюсова мистическое знание связывается с образом Эвридики: «Ах, что значат все напевы // Зная тайну тишины! // Что весна, – кто видел севы // Асфоделевой страны!» – в то время как образ Орфея пронизан мотивом эротической любви: «Вспомни, вспомни! луг зелёный, // Радость песен, радость пляск! // Вспомни, в ночи – потаённый // Сладкожгучий ужас ласк!» [2, с. 501].

Орфей – певец и пророк – бесспорно, причастен знанию, но знанию земному, в то время как Эвридика, знающая более глубокие, более сокровенные тайны, потеряла земные чувства и способность земного восприятия:

Но на взорах – облак черный,
Черной смерти пелена...
...Я лишь легкой тенью вею,
Ты лишь тень ведешь назад...
...Сердце – мертво, грудь – недвижна
Что вручу объятью я?...
...Помню сны, но непостижна,

Друг мой бедный, речь твоя [1, т. 1, с. 319–320].

Какова же мотивировка оглядки Орфея в стихотворении Брюсова? Ведь известно, что миф не дает однозначного ответа на этот вопрос. Орфей всеми силами старается оживить в Эвридике прежние чувства, переживания. Он оглядывается именно потому, что страстно желает вернуть Эвридику к потерянной жизни и физически, и духовно. В начале стихотворения он уверен, что стоит им выйти на поверхность, вернуться в мир живых, и все станет как прежде, до трагической смерти жены («Мы идем тропой мятежной, // К жизни мертвенной тропой»). На сомнения Эвридики он отвечает своей уверенностью:

Выше! выше! все ступени –
К звукам, к свету, к солнцу вновь!
Там со взоров стают тени,
Там, где ждет моя любовь!
Верь мне! верь мне! у порога
Встретишь ты, как я, весну!
Я, заклявший лирой бога
Песней жизнь в тебя вдохну! [1, т. 1, с. 319]

Чувствуя, что его слова и убеждения не способны вдохнуть в Эвридику жажду жизни, жажду возвращения, Орфей старается пробудить в ней воспоминание и об эротической любви:

Вспомни, вспомни луг зеленый,
Радость песни, радость пляск!
Вспомни, в ночи – потаённый
Сладко-жгучий ужас ласк! [1, т. 1, с. 319]

При этом Орфей забывает, что для Эвридики он уже больше «друг» и «брат», нежели «супруг». Он не может понять, как она могла забыть его, будучи сам уверен, что эти воспоминания вечны («Ты не помнишь! ты забыла! // Ах, я помню каждый миг! // Нет, не сможет и могила // Затемнить во мне твой лик!»). Его оглядка – желание любой ценой вернуть Эвридику к жизни. Он не замечает, что она идет за ним не по собственной воле, а по велению долга: «Ты – ведешь, мне – быть покорной, // Я должна идти, должна...» Эвридика не хочет идти за Орфеем, все его попытки вернуть возлюбленную к жизни обречены на неудачу с самого начала.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать вывод об устойчивом интересе Брюсова к сюжету мифа об Орфее и Эвридике. Это связано с тем, что имя Орфея олицетворяет могущество искусства. Еще Эсхил в трагедии «Агамемнон» так описывает воздействие голоса Орфея (обращаясь к корифею): «Язык твой – язык Орфея наоборот: Тот водил за собой все, вызывая радость своим голосом...» [4, с. 429].

Обращаясь к данной теме, Брюсов совмещает различные поэтические системы: приемы классической антологической лирики XIX века и образность и художественный строй символистской лирики начала XX века.

Идеи и настроения стихотворений также соотносятся с выбранной автором поэтической системой. Торжество искусства в стихотворениях «Орфей» сменяется ощущением бессмысленности существования и неполноты земного знания в произведении «Орфей и Эвридика».

Примечание

* Существует несколько вариантов смерти Орфея. По Овидию, он был растерзан фракийскими менадами за то, что презрел их любовные притязания. По Конону, фракийские и македонские женщины убили Орфея за то, что он (будучи жрецом местного храма Диониса) не допустил их к мистериям. Мифы о растерзании Орфея менадами легли в основу орфических культов. Музы собрали вместе его растерзанное на куски тело и похоронили в Либетрах, а лиру Зевс поместил среди созвездий. Гимны Орфея пели Ликоиды при совершении таинств. По другому варианту, голова и лира плыли по Гебру и были выброшены на Лесбос у Мефимны (или только голова), лиру поместили в святилище Аполлона. На Лесбосе было святилище, где пророчествовала его голова. По

одному из древнегреческих мифов, после смерти Орфей был помещён на небо в образе Лебедя, недалеко от созвездия Лиры.

Список литературы

1. Брюсов В. Собрание сочинений в семи томах. М.: Художественная литература, 1973–1975. 4020 с.

References

2. Бугаева Л. Мифопоэтика сюжета об Орфее и Эвридике в культуре первой половины XX века // Мифология и повседневность. Вып. второй. Материалы научной конференции 24–26 февраля 1999 года. СПб., 1999. С. 485–507.

3. Волошин М. «Средоточье всех путей...». М.: Московский рабочий, 1989. 608 с.

4. Лебедев А.В. Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. 576 с.

INTERPRETATION OF THE MYTH OF ORPHEUS AND EURYDICE IN V. BRYUSOV'S WORKS

E.V. Bolnova

The interpretation of the classical myth of Orpheus and Eurydice in V. Bryusov's works is considered. We demonstrate fundamental similarities and differences. We also examine the motivation of Orpheus' and Eurydice's behavior in V. Bryusov's poems that differs from the myth.

Keywords: interpretation, myth of Orpheus and Eurydice, antiquity, Silver Age.

1. Bryusov V. Sbranie sochinenij v semi tomah. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1973–1975. 4020 s.

2. Bugaeva L. Mifopoehtika syuzheta ob Orfee i Ehvri-dike v kul'ture pervoj poloviny XX veka // Mifologiya i

encii 24–26 fevralya 1999 goda. SPb., 1999. S. 485–507.

3. Voloshin M. «Sredotoch'e vsekh putej...». M.: Moskovskij rabochij, 1989. 608 s.

4. Lebedev A.V. Fragmenty rannih grecheskih filosofov. M.: Nauka, 1989. 576 s.